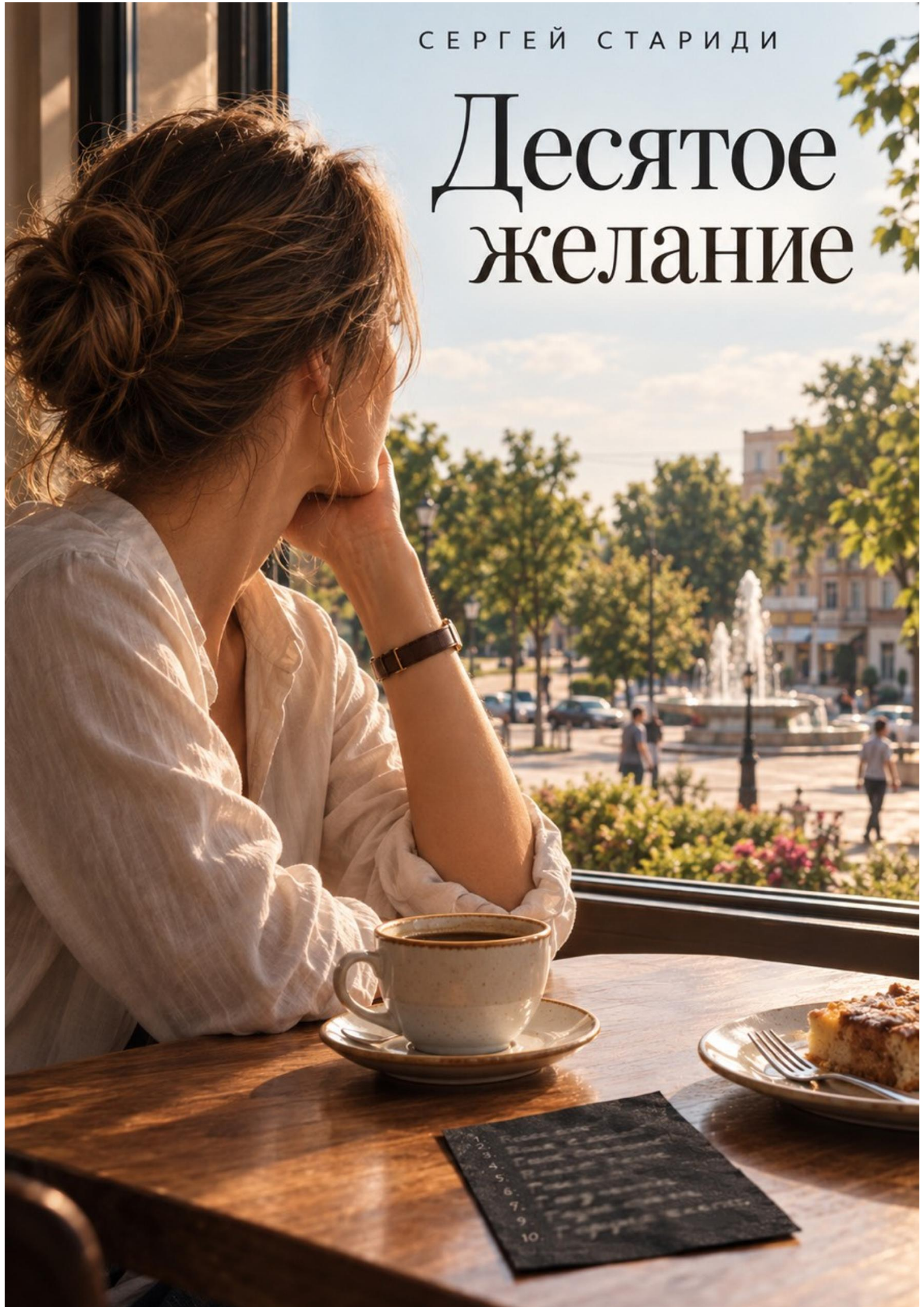

СЕРГЕЙ СТАРИДИ

Десятое желание

1. Родина
2. Родина с любовью
3. Родина с любовью
4. Родина с любовью
5. Родина с любовью
6. Родина с любовью
7. Родина с любовью
8. Родина с любовью
9. Родина с любовью
10. Родина с любовью

Сергей Старики

Десятое желание

«Автор»

2026

Стариди С.

Десятое желание / С. Стариди — «Автор», 2026

Однажды летом Елена оставляет детей с бабушкой и идёт сорок минут через жаркий Ахтубинск ради чашки кофе, которую могла бы выпить дома. В кофейне она записывает на чёрной салфетке десять желаний: Куба, зимнее море, новая профессия, собственная квартира — и ещё одно, которое совсем не похоже на остальные. Чуть больше года спустя Елена случайно находит салфетку и понимает: девять желаний уже сбылись. В тот же день ей предлагают вернуться к работе, которую она когда-то любила. И теперь самое трудное желание из списка перестаёт быть красивой фразой — оно становится вопросом о семье, ответственности, собственном времени и о том, почему её планы так легко оказываются написаны карандашом. «Десятое желание» — спокойный психологический рассказ о переменах, которые начинаются не с побега из прежней жизни, а с права перестать автоматически оставлять себя на потом.

© Стариди С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Стариди

Десятое желание

Утром новая квартира особенно хорошо показывала, насколько она ещё не стала домом.

Из стены над кухонным столом торчал провод будущего светильника. На подоконнике лежали договор с банком, рулетка и два детских рисунка, которые Елена вчера собиралась повесить на холодильник, но так и не нашла магниты. Вдоль стены стояли коробки с надписями «КУХНЯ», «ДЕТСКАЯ» и «РАЗОБРАТЬ ПОТОМ» — последняя почему-то оказалась самой полной.

— Мам, моей формы нет.

Артём появился в дверях в одной спортивной штанине и с футболкой в руках.

— В коробке из детской.

— Я смотрел.

— Значит, в другой коробке из детской.

— Их семь.

— Отлично. Всего семь вариантов.

Он посмотрел на неё так, будто предложение перебрать семь коробок перед школой было жестокостью, запрещённой международными конвенциями.

Из коридора донёсся голос Миши:

— Ма-ам! Машинка!

— Какая?

— Красная!

— Красная у тебя под кроватью.

— Нету!

Елена открыла рот, чтобы предложить посмотреть под диван, но в этот момент из спальни вышел Павел, застёгивая манжету рубашки.

— Ты мои документы не видела?

Она медленно повернула голову.

— Какие именно?

— Папку синюю. Страховка и документы на машину.

— На полке в спальне.

— Там нет.

— На нижней?

— Лена...

— Паша, я не вступала в должность хранителя семейных реликвий после переезда.

Он усмехнулся и вернулся в спальню.

Миша снова позвал:

— Мам!

Елена выглянула в коридор.

Красная машинка стояла возле его босой ноги.

— Это не она?

Он посмотрел вниз. Потом на мать.

— Она.

— Отлично.

— Я сам нашёл.

— Даже не сомневалась.

Елена вернулась на кухню и допила остывший кофе.

Ей самой нужно было найти флешку. Накануне Ирина написала: «У тебя случайно не осталось старой презентации по “Волне”? Срочно понадобилась. Особенно схемы зала».

Конечно, осталась.

Елена слишком долго не умела выбрасывать вещи, связанные с прежней работой, хотя последние три года убеждала себя, что они ей больше не понадобятся.

Она вспомнила старую тёмно-коричневую сумку, с которой ходила в офис ещё до второго декрета. Та должна была лежать где-то среди вещей, которые Павел называл «археологическим слоем».

Сумка нашлась под зимними куртками.

Елена села прямо на пол рядом с открытой коробкой и расстегнула молнию.

Внутри сохранилась прежняя жизнь в уменьшенном масштабе: старый пропуск, высохшая ручка, футляр от наушников, чек из кофейни, помада, которой она давно не пользовалась. В боковом кармане лежала флешка.

— Есть, — сказала Елена.

Никто не ответил.

Она уже собиралась закрыть сумку, когда заметила на самом дне что-то чёрное.

Сначала решила, что это обрывок упаковки.

Достала.

Сложенная вчетверо бумажная салфетка.

Белые буквы на стигах местами стёрлись, но почерк Елена узнала сразу.

Она замерла.

— Мам, ты форму нашла?

— Сейчас.

На первой строке было написано:

1. Побывать на Кубе.

Елена тихо рассмеялась.

Куба.

Была.

Она почти почувствовала солёный ветер и вспомнила раннее утро, когда вышла к океану одна, пока Павел и дети ещё спали.

2. Увидеть море зимой.

Тоже было. Серое, холодное, совсем не похожее на открытку.

3. Научиться спокойно ездить одной за рулём.

Елена покосилась на ключи у входной двери.

— Ну, «спокойно» — это автор погорячился.

Но и это, пожалуй, сбылось.

Дальше она пробежала глазами быстрее.

Два дня одной — были.

Новая профессия — тоже.

Красное платье. Первый заработок после декрета. Вечер, когда она впервые не вскочила из-за стола с привычным «мне пора».

Восемь.

Перед девятым пунктом Елена остановилась.

9. Купить свою квартиру.

Она подняла глаза.

Коробки стояли друг на друге. Из стены торчал провод. Карниз второй день лежал на полу. На подоконнике рядом с ипотечным договором засохла половина бутерброда, оставленного кем-то из детей.

И всё это было их.

Не съёмным. Не временным. Не «пока накопим». Не квартирой, из которой хозяин однажды может попросить съехать.

Их.

Елена улыбнулась.

Девятое тоже сбылось.

— Лен! — Павел появился в дверях с синей папкой в руке. — Была на нижней полке.

— Не может быть.

— Представляешь.

Он заметил салфетку.

— Что это?

— Ничего. Археологический слой.

Павел кивнул, приняв объяснение, и снова ушёл.

Елена перевела взгляд на последнюю строку.

10. Перестать выбирать себя последней.

Здесь простого «да» почему-то не получалось.

Телефон на столе завибрировал.

На экране высветилось: **Ирина**.

— Привет, — Елена зажала телефон плечом. — Флешку я как раз нашла.

— Забудь пока про флешку. Вчера она мне была нужна по одной причине. Сегодня уже по другой.

На заднем плане хлопнула дверь, кто-то громко спросил про смету.

— «Волну» запускают.

Елена выпрямилась.

— В смысле?

— В прямом. Финансирование подписали. Подрядчики уже заходят. Открытие через четыре месяца.

— А руководитель?

Ирина коротко выдохнула.

— Ушёл вчера вечером. С конфликтом. Поэтому я тебе и звоню.

Елена поднялась с пола.

— Ир...

— Нам нужен человек, который знает проект с самого начала. Не консультант на пару встреч. Человек, который возьмёт запуск.

Миша протаранил красной машинкой коробку и радостно закричал:

— Авария!

Елена прикрыла ладонью второе ухо.

— Ты сейчас мне что предлагаешь?

Ирина помолчала.

— Возглавить «Волну».

Елена посмотрела на кухню. На коробки. На сына с машинкой. На Артёма, который наконец появился в найденной спортивной форме.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— Ир, я три года...

— Знаю.

— У меня Миша только в сад пошёл.

— Знаю.

— И ты всё равно мне звонишь?

— Поэтому и звоню тебе, а не кому-нибудь ещё.

Елена ничего не ответила.

— Не надо решать сейчас, — продолжила Ирина. — Я пришлю тебе кое-что. Посмотри. Потом поговорим.

— Сколько у меня времени?

— Два дня.

— Щедро.

— У нас открытие через четыре месяца, Лена. Я сейчас вообще очень щедрый человек.

Елена рассмеялась — скорее от растерянности.

— Ладно. Присылай.

Она положила телефон на стол.

Белый провод по-прежнему торчал из стены. Артём что-то спрашивал про сменку. Миша снова устраивал аварию.

Из спальни Павел крикнул:

— Лена, ты зарядку мою всё-таки не видела?

— Нет!

Она снова посмотрела на чёрную салфетку.

Девять желаний уже имели ответ.

С десятым всё было сложнее.

В тот август в Ахтубинске утро начиналось рано.

К девяти утра солнце уже лежало на дворе плотным белым светом, железная калитка нагрелась, а виноград над крыльцом давал скорее обещание тени, чем саму тень.

Елена почти не спала с половины четвёртого.

Миша сначала проснулся попить. Потом решил, что спать вообще переоценено, потребовал машинку, потерял её в кровати и расплакался. Когда наконец уснул, на соседнем диване перевернулся Артём и ногой сбил на пол бутылку воды.

Теперь Миша сидел на кухне в одном подгузнике и сосредоточенно размазывал творог по столу детского стула.

Тамара Сергеевна перехватила его руку с ложкой.

— Нет. На бабушку не надо.

Миша подумал и размазал творог по себе.

— Это, видимо, компромисс, — сказала Елена.

Мать посмотрела на неё поверх очков.

— Ты бы легла днём с ним.

— Конечно.

— Я серьёзно.

— И я. Артём будет тихо читать Пушкина, а Миша решит поспать часа три.

Из комнаты тут же донеслось:

— Мам! Мне скучно!

Елена подняла палец.

— Пушкин проснулся.

Артём появился на кухне с планшетом под мышкой.

— Мы сегодня куда-нибудь пойдём?

— Пойдём.

— Куда?

— Ещё не знаю.

— Ты вчера тоже не знала.

— И позавчера, — добавила Тамара Сергеевна, вытирая Мише подбородок.

— Спасибо, мама.

Елена взяла свою чашку и обнаружила, что кофе опять остыл.

Последние несколько дней она думала о маленькой кофейне в центре.

Увидела её ещё в первый день, когда они с матерью ездили по делам: тёмная вывеска, большое окно, несколько столиков внутри. Ничего особенного — просто тогда Елена подумала, что хорошо бы однажды прийти туда одной.

И с тех пор каждый день находилась причина не идти.

Сегодня она поставила чашку в мойку.

— Мам.

— М-м?

— Я часа на два уйду?

Тамара Сергеевна подняла голову.

— Куда?

— Пройдусь.

— По такой жаре?

— Сейчас ещё нормально.

Мать посмотрела в окно, где воздух уже начинал дрожать.

— Куда собралась-то?

Елена зачем-то поправила полотенце на ручке духовки.

— В кофейню. В центре.

— Пешком?

— Ага.

— Так там минут сорок.

— Знаю.

Тамара Сергеевна посмотрела на остывшую чашку возле мойки.

— Лен, я тебе дома кофе сварю.

Без насмешки. Наоборот — с готовностью немедленно встать и сварить.

И объяснить поэтому оказалось ещё труднее.

Дома кофе был. Даже зерновой. Даже тот сорт, который Елена сама привезла.

— Я знаю.

— Так чего тащиться?

Елена пожала плечами.

— Просто пройти хочу.

Мать секунду смотрела на неё, потом на заляпанного творогом внука.

— Ну иди. Пока я добрая.

— Спасибо.

— Воду возьми.

Через пять минут Елена уже обувалась.

Миша увидел босоножки и тут же поднял руки.

— Мама! Я!

— Ты остаёшься с бабушкой.

Лицо сына начало меняться.

Елена почувствовала знакомое движение: снять босоножки, сказать «ладно», взять его с собой.

Тамара Сергеевна подхватила внука раньше.

— А мы сейчас пойдём помидоры поливать.

Миша замер.

— Водой?

— Нет, компотом. Конечно водой.

Он посмотрел на мать уже не так трагически.

— Пока, — сказала Елена.

— Пока, — ответил он и потянул бабушку во двор.

Артём высунулся из комнаты:

— А мне что делать?

— Придумать самому.

— Мам!

— Очень полезный навык.

Елена закрыла калитку.

Первые минут десять она шла слишком быстро.

Поняла это только тогда, когда ремешок босоножки начал натирать пятку, а футболка прилипла между лопаток.

Замедлилась.

Достала телефон.

Ни одного сообщения.

Убрала.

Через квартал достала снова.

Тамара Сергеевна прислала фотографию: Миша стоял у грядки со шлангом и поливал собственные ноги.

«Все под контролем».

Елена улыбнулась, поставила телефон на беззвучный режим и сунула в сумку.

Город был почти неподвижен.

У остановки две женщины прятались в узкой полосе тени. За невысоким забором кто-то поливал палисадник, и запах мокрой земли на несколько секунд перебил сухую пыль. Возле фруктового киоска сладко пахло нагретыми солнцем персиками.

Елена шла к центру.

Чем ближе становилась площадь Ленина, тем больше появлялось людей. У Дома офицеров белые колонны резали солнечный свет на ровные полосы. Возле фонтана «Звезда Победы» мать пыталась увести двоих детей от воды, а те с одинаковым упорством делали вид, что её не слышат.

Елена невольно улыбнулась.

Не её дети.

Сегодня можно было пройти мимо.

Чуть дальше она задержалась возле памятника с верблюдами. Артём в прошлый приезд долго выяснял, зачем в военном памятнике верблюды, а потом потребовал сфотографировать каждого отдельно.

Елена машинально полезла за телефоном — послать Артёму фотографию.

И передумала.

Потом вместе посмотрят вживую.

Никому не хотелось пить. Никто не спрашивал, долго ли ещё. Не требовалось придерживать маленькую ладонь на переходе, искать панаму или объяснять, почему нельзя трогатьдохлого жука.

Она просто шла.

Возле парка Чкалова ветер наконец добрался до улицы. Зашевелились листья, на несколько секунд стало легче дышать.

Елена убрала волосы с лица.

Рука привычно потянулась к сумке — проверить телефон.

Она остановила её.

Дома всё было в порядке.

А здесь была она.

Кофейня оказалась почти такой, какой запомнилась из окна машины: тёмная вывеска, большое стекло, два столика под навесом.

Елена остановилась перед дверью.

Сорок минут.

Можно было развернуться прямо сейчас. Прогулка состоялась, дома действительно был хороший кофе, а впереди были ещё сорок минут обратной дороги.

Она толкнула дверь.

Колокольчик тихо звякнул.

Прохлада кондиционера обняла сразу и целиком.

За стойкой девушка в светлом фартуке подняла голову.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Вам здесь или с собой?

Елена посмотрела на столики.

Один у окна был свободен.

— Здесь.

— Что будете?

— Американо, пожалуйста, — сказала Елена и уже потянулась за картой, но задержалась взглядом на витрине. — И... давайте ещё что-нибудь сладкое.

— У нас сегодня хороший лимонный тарт.

— Давайте.

Елена расплатилась и подошла к столику у окна.

Положила сумку на соседний стул.

Телефон оставила внутри.

За стеклом площадь жила своей обычной августовской жизнью. И, судя по молчащему телефону, дома тоже всё шло своим чередом.

Через пару минут девушка поставила перед ней чашку и тарелку.

— Вы одна?

Наверное, спросила только потому, что на соседнем стуле лежала сумка и нужно было понять, убирать ли второй прибор.

Елена посмотрела на пустое место напротив.

— Да.

Девушка убрала второй прибор и ушла к стойке.

Елена взяла чашку обеими руками.

Одна.

Впервые за долгое время это слово не означало, что рядом кого-то не хватает.

Американо оказался крепче, чем Елена ожидала, а лимонный тарт — ровно настолько сладким, чтобы после первого кусочка перестать жалеть, что заказала его.

Она сидела у окна, вытянув под столом ноги, и смотрела, как по раскалённой площади проходят люди.

За соседним столиком устроилась девушка лет двадцати пяти — в широкой белой футболке, с собранными на макушке волосами и толстым блокнотом на резинке. Заказала холодный кофе, раскрыла блокнот и несколько минут что-то сосредоточенно писала, время от времени загибая пальцы.

Потом зачеркнула целую строку и тихо сказала:

— Нет, это вообще не желание.

Елена невольно улыбнулась.

Девушка заметила.

— Список на год, — объяснила она. — Десять вещей, которые хочу успеть.

— И как?

— Семь есть. Остальные три пытаюсь не подменить тем, что надо сделать.

Она снова уткнулась в блокнот.

Елена отпила кофе.

Вот это было интересно.

Что надо сделать, она могла написать без подготовки. Стоматолог Артёму. Документы в сад. Новая обувь Мише. Позвонить хозяйке квартиры насчёт крана.

На десять пунктов хватило бы легко.

А вот чего она хочет?

Елена посмотрела на чёрную бумажную салфетку под чашкой.

На стойке среди ручек торчал толстый белый маркер — им на маленькой чёрной доске возле витрины было написано: «Лимонный тарт».

Она ещё секунду посидела.

Потом поднялась.

— Девушка, можно у вас маркер взять?

Бариста посмотрела сначала на неё, потом на маркер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.